

Опубликовано в журнале:
«Новый Журнал» 2008, №251

Иван Толстой

Заметки о русской Праге

“Русская Прага” – недолгий исторический феномен, ознаменовавшийся яркой культурной и интеллектуальной жизнью нескольких тысяч русских эмигрантов первой волны.

Прага стала прибежищем для многих известных русских писателей, ученых и общественных деятелей. Здесь (кто дольше, кто совсем коротко) жили поэт Марина Цветаева, писатель-юморист Аркадий Аверченко, прозаик и драматург Василий Немирович-Данченко, романист Евгений Чириков, литературоведы Альфред Бем, Евгений Ляцкий, философы Николай Лосский, Иван Лапшин, Сергей Гессен, юрист Давид Гримм (бывший ректор Петербургского университета), историк права Павел Новгородцев, социолог Питирим Сорокин, экономисты Петр Струве, Сергей Прокопович, филологи Роман Якобсон, Владимир Францев, исследователь русской иконы академик Никодим Кондаков, историк и прославленный лектор Александр Кизеветтер (слушать которого ходило пол-Праги), историки Георгий Вернадский, Сергей Пушкирев, Евгений Шмурло, Антонин Флоровский, историк Церкви и богослов Георгий Вернадский, экономист, социолог и один из лидеров евразийства Петр Савицкий, художник Николай Зарецкий, музейный специалист, бывший секретарь Льва Толстого Валентин Булгаков, общественные деятели графиня Софья Панина и княгиня Наталия Яшвилль, публицист Екатерина Кускова, лидер Крестьянской партии Сергей Маслов и бывший лидер эсеров Виктор Чернов.

Несмотря на такой звездный состав русской колонии, мало кто (за исключением писателей) смог проявить себя в те годы в полную силу в профессиональном отношении. Причины этого лежали не только в тяжелых материальных обстоятельствах и скудном быте ученых. Приходилось тратить огромные усилия на организацию академического процесса: книг и пособий не хватало не только для студентов, но и для самих преподавателей, попавших в эмиграцию без необходимых справочных изданий и порой без собственных статей и монографий. Кроме того, много времени отнимала разнообразная бюрократическая переписка с различными чешскими учреждениями, в чьем ведении находились русские организации. Но главное препятствие лежало, как ни парадоксально, в особенностях так называемой “Русской акции” – масштабной программы помощи русским беженцам.

Идея “собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил” в эмигрантской массе принадлежала чехословацкому президенту Томашу Масарику – он хорошо знал Россию, писал о ней и лично знал многих ее видных деятелей: ездил, например, в Ясную Поляну ко Льву Толстому. Поддерживая русских, Масарик преследовал вполне прагматические цели: получить в лице будущей свободной России надежного и понимающего союзника, “увести” Россию от альянса с Германией и тем самым заложить нужные политические перспективы. Среди тех, кто энергично поддерживал русских эмигрантов, был и первый премьер-министр страны Карел Крамарж – давний и верный друг России. До Первой мировой войны он не раз посещал Россию и женился на москвичке из купеческого рода Надежде Николаевне Абрикосовой. И хотя в 1919 году Крамарж потерял пост премьера, он остался влиятельным членом парламента как лидер одной из пяти основных политических партий – народно-демократической. Как

вспоминал историк Сергей Пушкарев, “нечего и говорить, что Крамарж всячески поддерживал ‘Русскую акцию’ и что почти все мы, русские пражане, были его поклонниками”. А многие называли его, из симпатии, Карлом Петровичем.

В начале 20-х Советская Россия была враждебным государством, с которым не было дипломатических отношений. Да и в старой России многие чехословаки успели разочароваться. На смену русофильству эпохи австро-венгерского господства (особенный всплеск этих чувств наблюдался в 1914–1915 гг.) пришло охлаждение, вызванное удручающим знакомством с русской жизнью, ее бытом и нравами, за долгие месяцы Гражданской войны в Сибири, когда легионеры Чехословацкого корпуса, оказавшись заложниками сменявшихся политических обстоятельств, с боями пробирались к Владивостоку. Домой они вернулись разочарованными. “Мы любили то, чего не знали, – писал Масарик. – В России мы поняли, что представляют собой русские.”

Приглашая в свою молодую страну русских эмигрантов, чехословацкое правительство предполагало, что русская беженская молодежь получит в учебных заведениях страны среднее и высшее образование, сохранит и приумножит русскую культуру и при этом воспримет современные политические реалии в духе тех демократических начал, которые преподнесет ей дружественная принимающая страна. А через несколько лет, когда в России произойдут необходимые перемены (в это верили очень многие, и первый среди них – Масарик), новая интеллигенция будет подготовлена к возвращению. И Чехословакия, организовавшая для беженцев своеобразный “русский Оксфорд”, получит в ответ целую армию благодарных профессионалов, которые с готовностью будут продвигать в освобожденной России интересы нового славянского государства.

Эта программа, названная “Русской акцией”, поначалу была развернута в пользу правых эсеров как наиболее приемлемого для Масарика и Бенеша политического течения. Однако вскоре стало понятно, что одними эсерами учебные заведения не заполнить и нормальный академический процесс не наладить. И в Прагу были приглашены студенты и преподаватели правых и даже монархических убеждений, впрочем, по условиям принимающей стороны, ни те, ни другие не могли заниматься открытой политической деятельностью. Вот почему в Праге, где было сосредоточено около 70 литераторов-эмигрантов (именно столько входило в “Союз русских писателей и журналистов”), в 1922–1928 годах не выходило ни одной ежедневной газеты, а эсеровская “Воля России” быстро превратилась сперва в еженедельник, а затем и вовсе – в “толстый” журнал.

Как бы то ни было, помощь чехословацкого правительства – явление уникальное во всей истории русской эмиграции XX века. Материальная и организационная поддержка распространялась не только на участников учебного процесса, но и на пенсии отдельным эмигрантам: в Прагу из Берлина была, например, приглашена Елена Набокова, вдова убитого кадета Владимира Набокова (отца писателя). Специальные пособия были выделены для Аркадия Аверченко, Сергея Эфрона и целого ряда других литераторов, не включенных ни в какую педагогическую деятельность.

Более того, поддержка Масарика и его единомышленников географически не ограничивалась одной Чехословакией. Значительные субсидии (гаснувшие, впрочем, с каждым годом) получала и берлинская газета “Руль”, и парижские “Последние Новости”, и “главный” журнал Зарубежья “Современные Записки”, а также

разнообразные союзы, общества и благотворительные организации, – например, некоторые дома для престарелых во Франции.

Размер помощи рос до 1924 года, достигнув пика, и затем неуклонно снижался, что было связано с разочарованием в самой идее возвращения беженцев на родину. В 1921 году прямые и косвенные расходы правительства на русских эмигрантов составляли 11 миллионов чешских крон, в 1922 г. – 50 миллионов, в 1923 г. – 66 миллионов, в 1924 г. – 83, в 1925 г. – уже 73. Сама численность русской колонии в Чехословакии значительно менялась и в течение 20-х годов колебалась от 10 до 40 тысяч человек.

Второй по значительности вклад в дело поддержки русских беженцев внес Союз земских и городских организаций – Земгор, во многом совпадая с “Русской акцией” по характеру помощи и действуя в согласии с ней, но и добавляя (на добровольных и безвозмездных началах) такие важнейшие услуги, как правовая защита, учет эмигрантов, предоставление работы, организация трудовых артелей, ремесленных мастерских, земледельческих колоний, кооперативов, обучение беженцев на торгово-промышленных предприятиях и в специальных учебных заведениях, устройство концертов и спектаклей, учреждение школ, курсов, библиотек, читален, детских летних колоний и садов, содействие в приобретении жилья, открытие общежитий, оказание медицинской помощи, выдача ссуд и безвозмездных пособий, заключение договоров и многое другое.

Социальный состав русской колонии в Чехословакии (по данным Комитета Земгора, 1931) был следующим. Из 22 тысяч официально зарегистрированных беженцев около 8 тысяч были земледельцами, 7 тысяч – студентами высших и средних специальных заведений, 2 тысячи – служащими, 1 тысяча – общественными политическими деятелями, 600 человек – писателями, журналистами, учеными и деятелями искусства, 1 тысяча – детьми школьного возраста, 300 человек – дошкольниками, 600 – инвалидами и около 1 тысячи бывшими российскими военнопленными.

Жизнь “русского Оксфорда” строилась на всеохватном образовании. Школьники посещали гимназии – в Праге и Моравской Тршебове, студентам предлагались различные вузовские программы на русском языке. Среди них – Русский юридический факультет (у его истоков стоял П. Новгородцев), Русский педагогический институт имени Яна Амоса Коменского (директор – С. А. Острогорский, бывший директор петербургских курсов Лесгафта и лечащий врач царских детей), Русский институт сельскохозяйственной кооперации (директор – математик и председатель отдела Казачьего союза С. В. Маракуев), Русский институт коммерческих знаний (директор – доцент У. О. Жилаев), Русский народный университет (ректор – профессор Михаил Новиков, последний свободно избранный ректор Московского университета в 1919–1920 гг.).

Как писал в своих воспоминаниях С. Пушкарев, “в каждой европейской столице, как и в далеком Харбине, где собралось несколько десятков бывших деятелей русских высших школ, они устраивали профессиональную организацию, которая обычно называлась Русской Академической Группой. РАГ принимала магистерские экзамены и присуждала выдержавшим звание приват-доцента, <...> устраивала публичные защиты магистерских и докторских диссертаций. <...> Помимо Академической Группы, была Учебная коллегия. Ее неизменным председателем был авторитетный профессор-инженер Алексей Степанович Ломшаков. Учебная коллегия стала посредником между чешской администрацией и русским обществом ученых и учащихся”.

Из научных русских учреждений Праги наиболее известным был “Seminarium Kondakovianum”, преобразованный позднее в Институт им. Кондакова. Институт представлял собой творческую группу историков, археографов и искусствоведов, продолжавших разрабатывать идеи своего учителя, академика Никодима Кондакова. Сам президент Масарик пригласил ученого в Прагу на специальную стипендию, а после его кончины в 1925 г. продолжил поддержку научных разысканий группы и даже выделил специальные стипендии для молодых исследователей. Одним из них стал будущий оксфордский профессор-славист Николай Андреев.

Другим русским научным учреждением в Праге был “Экономический кабинет”, созданный и руководимый Сергеем Прокоповичем, задачей которого было изучение хозяйства СССР.

Не меньше, чем академические фигуры, “Русскую Прагу” прославили литераторы. Здесь писал и выпустил свои последние книги знаменитый юморист Аркадий Аверченко (он и похоронен в Праге, на Ольшанском кладбище). Здесь на 92-м году жизни закончил свои дни патриарх российской словесности Василий Немирович-Данченко, брат прославленного создателя МХАТа. Всю “Русскую Прагу” собрали похороны плодовитого прозаика Евгения Чирикова.

Была активна и молодая литературная эмиграция. Начинающие поэты и прозаики печатались в журнале “Студенческие годы” (1922–1925) и в главном пражском “толстом” журнале “Воля России”, которым руководил критик Марк Слоним, вечно занятый поиском новых имен в литературе. Одним из очагов общения писателей был кружок “Далиборка”, собиравшийся в одноименной кофейне. “Далиборка” для многих оказалась неплохой школой: здесь читали и обсуждали рукописи друг друга, получая необходимую критику и дорабатывая произведения до подходящего уровня. Создателями кружка были Сергей Маковский (бывший редактор петербургского “Аполлона”), Дмитрий Крачковский, Владимир Амфитеатров-Кадашев и Петр Кожевников.

Наиболее значительным пражским объединением был “Скит”, называвшийся позднее “Скитом поэтов”. Под неизменным руководством литературоведа и педагога Альфреда Бема “Скит” просуществовал два десятилетия, спорадически собираясь даже в годы гитлеровской оккупации.

В 1922 году, начиная занятия в “Ските”, А. Бем дал своим подопечным жизненную установку: “Эпохи войн, революций и смуты втягивают человека в круг явлений массового характера, подчиняют его волю психологии массы и подставляют его сознанию чаще всего элементарные цели, достигаемые двигательнo-волевым актом”. Этой активности, которая “держит в цепях человеческую личность, понижая ее индивидуальную ценность”, Бем противопоставлял творчество как высшую форму активности, дающую ответ “на внутренние запросы человеческого духа”. Эти установки А. Бема были полемически направлены против заветов другого литературного гуру эмиграции – Георгия Адамовича, вдохновителя пессимистической “парижской ноты”. Скитовец Вячеслав Лебедев вспоминал: “Заключительное слово всегда брал сам А. Л. Бем, подводя итог всем высказываниям и ставя свой окончательный приговор над прочитанным. С его вдумчивой оценкой всегда все соглашались. В этом отношении ‘Скит’ был, вероятно, единственным жизненным примером идеальной идейной диктатуры, свободно осуществляемой без всяких принудительных средств”. По общему мнению, объединение выпестовало как минимум

трех заметных поэтов – цитированного Вячеслава Лебедева, Аллу Головину, уехавшую затем в Брюссель, и Алексея Эйснера, прошедшего впоследствии советские лагеря.

Сближению двух славянских культур много способствовала “Чешско-русская еднота” – организация, созданная в Праге в 1919 г. и значительное внимание уделявшая литературным связям. Председателем ее культурной комиссии была известная переводчица с русского Анна Тескова – близкий друг и корреспондент Марины Цветаевой. В письмах к своей чешской подруге Цветаева признавалась: “С шемящей нежностью вспоминаю Прагу, где, должно быть, мне никогда не быть. Ни один город мне так не врезался в сердце”. В своей “Поэме Горы” Цветаева воспевала полюбившуюся чешскую столицу: гора Петржин ей кажется грудью рекрута, Влтава – Летой, каменный рыцарь Брунцвик у Карлова моста – стражем Леты и жизни, даже трубы заводов для поэтессы похожи на последние трубы Ветхого Завета, а дворцовые парки – на сады Семирамиды.

Мюнхенский договор и оккупация Чехословакии потрясли Цветаеву. Она откликнулась “Стихами к Чехии” (1939):

Не умрешь, народ!

Бог тебя хранит!

Сердцем дал – гранат,

Грудью дал – гранит.

Процветай, народ,

Твердый, как скрижаль,

Жаркий, как гранат,

Чистый, как хрусталь.

Заметную роль в культурной жизни русской Праги играл театр. Здесь осела часть труппы Московского Художественного театра, совершавшего вынужденные заграничные гастроли в начале 20-х годов. Прославленная Мария Германова основала “Пражскую группу МХТ”, которая должна была стать некой хранительницей традиций. В основном репертуаре были представлены вещи, шедшие еще в Москве (“Женщина с моря” Ибсена, “Медея” Еврипида, “Король темного чертога” Тагора, “Братья Карамазовы” Достоевского, где Германова блестяще сыграла роль Грушеньки). Германова стала и режиссером этой труппы, большую часть которой составляли те актеры, кто впоследствии нашел себе пристанище в Париже, – М. Крыжановская, А. Вырубов, Н. Массалитинов, А. Комиссаров, Г. Серов, П. Шаров и др.

В Праге же возникла уникальная попытка организовать “Книжную палату” русской эмиграции – книгохранилище, где бы собирались все издания многих сотен, часто эфемерных, русских издательств, разбросанных по всему миру. Затея эта в полном виде осуществлена не была, тем не менее организованный в 1923 году “Комитет русской книги” достиг уникальных результатов: он устроил выставку русских книг и периодических изданий Зарубежья, всего – 3600 наименований, а кроме того издал два тома “Русской зарубежной книги”, с литературными обзорами по темам и каталогом.

Вероятно, самым большим вкладом в сохранение русского культурного и политического наследия было создание в Праге Русского Заграничного исторического архива (РЗИА), находившегося поначалу под эгидой Земгора, а затем переданного в ведение чехословацкого МИДа. Здесь было собрано огромное количество рукописей и печатных материалов, относящихся главным образом к эпохе Первой мировой войны, русской революции и Гражданской войны. Материалы разделялись на три отдела: рукописный, библиотечный и газетный. Директором архива был чех Ян Славик, отделами заведовали русские эмигранты – Александр Изюмов, Сергей Постников и Лев Магеровский (один из будущих основателей Бахметевского архива в Нью-Йорке).

В 1945 г. под давлением Москвы правительство Чехословакии передало РЗИА “в дар Академии наук СССР в связи с ее 250-летием”. Это было грубым нарушением одного из условий, поставленного Земгором при передаче архива в чехословацкие руки: РЗИА может быть отдан в Россию только после падения советской власти. 13 декабря 1945 г. 650 ящиков с документами, книгами, журналами и газетами были отправлены в Москву военным транспортом в составе девяти вагонов под охраной 50 бойцов войск НКВД по охране тыла Центральной группы советских войск. Кроме собраний РЗИА и Донского казачьего архива, там находилось 25 ящиков с экспонатами Донского войскового музея и мемуарная часть архива покойного генерала А. А. Брусилова, а также рукописный отдел и библиотека Русского литературно-исторического музея в г. Збраславе под Прагой, созданного при непосредственном участии Валентина Булгакова. В общей сложности в Москву уехало 350 тысяч единиц архивного хранения и 250 кг россыпи, 8533 книги, 3434 номера журналов, 111 691 номер газет, 1057 листовок, 256 плакатов, 7 коробок с отзывами ученых и ряд других материалов. Все они были размещены в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР).

Увезенные в СССР документы невольно сослужили злую службу. Обработка их в Москве была начата с фондов “наиболее актуальных с оперативно-чекистской точки зрения”. Велось составление именной картотеки на белогвардейцев, эмигрантов, перебежчиков, военнопленных, лиц, связанных с гитлеровцами, предметно-тематической картотеки о деятельности эмигрантских организаций и их уставных документах, а также исторических справок на фонды, “подлежащие оперативному использованию”. Грубо нарушался выработанный порядок хранения документов, игнорировалась воля дарителей и завещателей, вскрывались пакеты, переданные в РЗИА на определенных условиях. В одном только 1946 году по фондам РЗИА и Донского казачьего архива было выявлено 18 тысяч “враждебных советской власти лиц”.

До конца 1980-х годов фонды Русского Зарубежья считались закрытыми, работа с ними требовала особого допуска.

“Русская Прага” после войны представляла собой печальное зрелище. Сотрудниками СМЕРШа были арестованы литературовед Альфред Бем, славист Николай Андреев, евразиец Петр Савицкий, генерал Сергей Войцеховский и многие другие. Русские эмигранты пропадали среди бела дня: одних под вымышленным предлогом вызывали в советскую комендатуру, других арестовывали прямо на улице. Многие не успевали проститься с семьями. Альфред Бем был уведен советским офицером якобы для помощи в переводе какой-то чешской бумаги. Он не вернулся, и об участи его ходили самые разные слухи.

Один из основателей РЗИА библиограф Сергей Постников отсидел в ГУЛаге пять лет, потом работал швейцаром в чайной города Никополя. Генерал Войцеховский, чуть ли не единственный, кто предлагал чехословацкому правительству сопротивляться гитлеровской оккупации, был арестован, причем не только сам, но “потянул” за собой всю семью, включая внука, которых депортировали в Советский Союз через 10 лет после войны. А к Петру Савицкому судьба оказалась жестокой дважды: после ареста СМЕРШем в 1945 году он провел десять лет в Сибири, вернулся в Прагу, опубликовал в Париже под псевдонимом П. Востоков книгу философских стихов (1960), был за это арестован чехословацкой госбезопасностью и осужден еще на год тюрьмы.

* * *

К середине 20-х гг. выявились первые серьезные проблемы профессионального устройства русских на чехословацком рынке труда. Наибольшие трудности испытывали люди с высшим образованием. Около 80% окончивших местные вузы (около 500–600 человек) не могли устроиться на работу, в то время как еще 6,5 тысячи студентов продолжали свое образование в Чехословакии. Все они и не рассчитывали, что полученное образование им придется применять на месте, надеясь в скором времени вернуться на родину. Особенно в тяжелом положении оказались получившие гуманитарное образование. Около 3 тысяч счастливицков смогли покинуть ЧСР и (при поддержке чехословацкого МИДа) устроиться во Франции и ее колониях.

К концу 20-х годов ситуация еще больше обострилась. Сотрудник отдела Земгора по трудоустройству И. П. Нестеров писал: “Тяга в другие страны все растет и растет, и теперь думают о выезде из ЧСР такие люди, кто в 1922–23 гг. ни о каких Америках и не думали. Особенно тяжело положение людей, заканчивающих здесь вуз. Не имея возможности выехать куда-либо, люди берутся теперь за всякие дела, и часто занятие, раньше бывшее любительским, теперь является источником заработка”.

Размышляя о несостоявшихся на чужбине судьбах русских пражан, сын основателя евразийства историк Иван Савицкий (из работ которого взяты для данной заметки многие цитаты) с горечью отмечал: “Концепция ‘русского Оксфорда’ в Праге, а, скорее, нужно брать шире, концепция ‘воспитания’ эмиграции, то есть ‘педагогоцентрическая’ концепция деятельности эмигрантов, сложившаяся во взаимодействии пожеланий чехословацкого правительства и ‘подвижников’ эмиграции, требовала почти невозможного: отказаться от политической деятельности, присущей эмиграции, но и от собственной карьеры за рубежом, готовить лишь ‘русских для России’”. В этом особенность русской колонии в Чехословакии и ее драма.

Источник: <http://magazines.russ.ru/nj/2008/251/to12-pr.html>